

Андрей Ганин

**«РАБОТА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО
ЦЕНТРА ОСОБЕННО ВЫДЕЛИЛАСЬ
СВОЕЙ УСПЕШНОСТЬЮ».
ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ЦЕНТРА
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ 1918–1919 гг.***

АННОТАЦИЯ

В статье показана работа сторонников Белого движения по организации полу-легального Екатеринославского центра (и предшествовавшего ему бюро) Добровольческой армии. Автор раскрывает взаимоотношения и столкновения Центра с противоборствовавшими военно-политическими силами на Украине (представители гетманской власти, австро-германское оккупационное командование, большевики, петлюровцы, махновцы). Эффективная работа Центра при поддержке местных властей и офицерства позволила создать добровольческую дружину и способствовала переходу на сторону белых кадрированного украинского корпуса. Эти значимые для белых силы в результате Екатеринославского похода удалось вывести в Крым на соединение с Добровольческой армией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданская война в России; Добровольческая армия; Украина; Екатеринославский центр; Екатеринославский поход; генерал-лейтенант Н.М. Баташев; полковник Р.К. Островский; полковник Д.С. Перфильев; подполковник Г.И. Коновалов; капитан Г.Л. Чунихин.

ПРОБЛЕМА ПУТИ РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ и российского влияния в этом регионе не теряет своей актуальности. Этот же вопрос столетие назад волновал сторонников Белого движения, оказавшихся на территории самостийной Украины. Тогда командование Добровольческой армии ини-

* Выражаю благодарность к.и.н. В.Б. Каширину, А.С. Кручинину (Москва) и к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за высказанные замечания.

цирировало создание сети так называемых центров армии вне контролируемых ею районов. Центры решали несколько задач: вербовали людей в армию и собирали добровольцев для активных действий на местах, вели разведывательную и пропагандистскую работу и, наконец, пытались осуществлять сбор средств и имущества для Добровольческой армии.

На Украине тогда существовал зависевший от австро-германских оккупационных сил режим гетмана П.П. Скоропадского. В связи с оккупацией украинская территория оставалась почти не затронутой Гражданской войной. Подобное положение привлекло на территорию Украины множество беженцев (в том числе офицеров русской армии), стремившихся уклониться от братоубийственной войны и переждать конфликт в мирной обстановке. Собственной полноценной украинской армии Скоропадскому создать не удалось. В целом гетманский режим не без оснований казался современникам временным и карикатурным. Тем более что политический курс Скоропадского отличался непоследовательностью. При очевидном антибольшевизме гетман заигрывал в разные периоды то с украинскими, то с русскими националистами.

Смена германского караула у здания Киевской городской думы. Август 1918 г.

При попустительстве украинских властей к осени 1918 г. на территории Украины возникли Киевский, Харьковский, Одесский и Екатеринославский центры¹. Сеть центров существовала и в других регионах (Могилев, Таган-

рог, Тирасполь, Тифлис, Саратов, Севастополь, Симферополь, Феодосия). Но именно «украинские» центры оказались наиболее результативными. Все они, кроме наименее известного Екатеринославского², считались главными. Обнаружение в фондах Российского государственного военного архива комплекса документов центра и выявление в коллекции генерала А.А. фон Лампе в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) большой подборки свидетельств участников Екатеринославского похода, собиравшихся ветераном похода штабс-капитаном Б.П. Войнарским, позволили реконструировать историю самого центра и тех событий, которые вокруг него происходили.

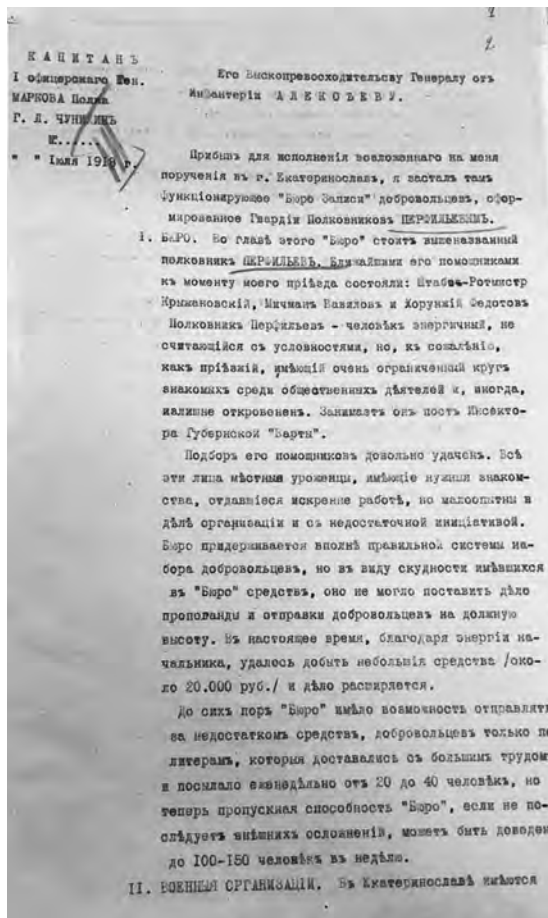
Генерал Б.А. Штейфон, руководивший в Гражданскую войну Харьковским центром Добровольческой армии, вспоминал в эмиграции, что «*работа центров чрезвычайно ярко отражала психологическое и формальное содержание бурного 1918 года. В добровольческих центрах того периода собиралась, как в фокусе, вся пестрота политических и социальных взаимоотношений, создавшихся на Юге России. Как в причудливом калейдоскопе быстро менявшихся настроений и событий проходили добровольцы и большевики, гетманцы и петлюровцы, германские войска и банды грабителей, цинизм анархии и жертвенное служение Родине.*

Работа центров была конспиративной. Этим условием и объясняется то обстоятельство, что о деятельности центров ныне мало осведомлены даже те лица, кои специально изучали историю русской смуты. Больше того: даже лица, принимавшие близкое участие в работах центра, бывали обычно знакомы лишь с тою областью, в какой они непосредственно действовали»³. Думается, эти слова с поправкой на то, что серьезной конспирации все же не было, можно отнести и к истории Екатеринославского центра Добровольческой армии.

В июне 1918 г. (по старому стилю) верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев поручил капитану 1-го офицерского генерала Маркова полка **Георгию Львовичу Чунихину** (1893–1920) приступить к набору добровольцев для Добровольческой армии в Екатеринославе. О самом Чунихине сведений немного. Известно, что он был связан с Екатеринославом. Происходил из дворян, окончил Екатеринославское коммерческое училище, в 1915 г. выдержал экзамен при Ораниенбаумской школе прапорщиков. В 1917 г. он, будучи штабс-капитаном и командиром роты 25-го запасного пехотного полка, состоял членом главного комитета Союза офицеров армии и флота. Участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова, был арестован и содержался вместе с другими арестованными в Быкове. После освобождения в октябре 1917 г. дважды ездил в Петроград, где получил бумаги на освобождение из-под ареста четырех генералов из числа быховских узников⁴. Поступил в Добровольческую армию, в рядах которой участвовал в 1-м Кубанском (Ледяном) походе. Командовал взводом во 2-й роте Офицерского полка, а позднее во 2-й роте 1-го офицерского генерала Маркова полка. Получил чин капитана. Погиб в 1920 г. в бою на Северном Кавказе.

Алексеев писал Чунихину: «*Я поручаю Вам приступить в гор. Екатеринославе к организации дела по набору добровольцев в Добровольческую армию. Вам*

надлежит войти в сношения с общественными деятелями, могущими быть для нас полезными, а также и с военными и содействовать их сплочению и образовать комитет, который мог бы принять на себя дальнейшую организацию дела набора, а также изыскание для этого средств на месте же»⁵. На первоначальные расходы Чунихин получил 3000 руб. Ввиду нехватки средств предлагалось пользоваться в том числе и частной благотворительностью. Также разрешалось приобретать партии предметов снаряжения и обмундирования. Алексеев обращал внимание Чунихина на то, что армии необходимы не только офицеры, но и солдаты. Письмо Алексеева завершалось лестной оценкой личности Чунихина: «Я поручаю Вам все это, будучи уверенным, что Ваша боевая служба в рядах сначала Российской армии, а ныне, столь же доблестная, — в рядах Добровольческой армии — служит полной гарантией, что поручение будет исполнено Вами с полным тщанием и энергией»⁶.

Репорт капитана Г.Л. Чунихина генералу М.В. Алексею
о работе в Екатеринославе. 1918 г. РГВА. Публикуется впервые

Чунихин выехал в Екатеринослав, откуда уже в июле прислал Алексею отчет. Как выяснилось, в городе действовало бюро записи добровольцев, сформированное 20 июня (3 июля) полковником гвардейской конной артиллерии, кавалером Георгиевского оружия **Дмитрием Сергеевичем Перфильевым**, помощниками которого были штабс-ротмистр Крыжановский, мичман Вавилов (адъютант) и хорунжий Федотов. Бюро было открыто инициативным порядком и на их личные средства. По оценке Чунихина, Перфильев — *«человек энергичный, не считающийся с условностями, но, к сожалению, как приезжий, имеющий очень ограниченный круг знакомых среди общественных деятелей, и иногда излишне откровенен. Занимает он пост инспектора губернской “варты”»*⁷.

Именно это двойственное положение Перфильева способствовало успеху дела. Сам Перфильев позднее сообщал начальнику политического отдела Добровольческой армии, что создал бюро, *«дабы особенно широко использовали города и улицы — в смысле отправки здоровых надежных людей в армию»*⁸.

Помощники Перфильева были местными уроженцами, искренне отдавались делу, но не имели опыта и инициативы. В целях вербовки добровольцев бюро сумело добыть денежные средства в объеме около 20 000 руб. Еженедельно в Добровольческую армию отправляли 20–40 человек, Чунихин рассчитывал увеличить отправку до 100–150 человек в неделю. Отправка осуществлялась при помощи сотрудников железнодорожной администрации, состоявших в бюро.

В Екатеринославе имелись три военные организации экономического характера: Союз офицеров (председатель — генерал-майор Л.И. Федулаев), Союз георгиевских кавалеров и Союз раненых и увечных воинов. Но сторонники белых, по оценке Чунихина, могли рассчитывать только на взаимодействие с Союзом офицеров, а в остальных союзах можно было положиться только на отдельных лиц. Имелись и общественно-политические организации, включая Союз русских людей на Украине во главе с уполномоченным юго-западных железных дорог инженером А.А. Спасским. Кроме того, в городе был создан кружок общественных деятелей, содействовавший бюро путем агитации.

Генерал Федулаев в старой армии командовал дивизионом 13-й артиллерийской бригады. В августе 1918 г. прибыл из Екатеринослава в Новочеркасск с группой офицеров и настаивал на разрешении сформировать полк имени М.В. Родзянко (уроженца Екатеринославской губернии, в прошлом — монархиста и лидера партии октябристов, председателя Временного комитета Государственной думы и одного из видных деятелей Февральской революции). В Добровольческой армии Федулаев получил закономерный отказ, поскольку такое формирование вносило раскол, обиделся и стал обвинять белое командование в непонимании текущего момента, из-за чего происходит сокращение притока добровольцев. В Новочеркасске он представлялся служащим Добровольческой армии, в которой не состоял. Позднее, записавшись в Добровольческую армию в бюро записи у полков-

ника Н.В. Муфеля, Федулаев тем не менее на фронт не поехал, а остался в Новочеркасске, где встречался с офицерами Астраханской армии⁹, а затем и с адъютантом главы украинской военной миссии на Дону генерально-хорунжего К.Х. Середина. После этого за Федулаевым было установлено негласное наблюдение белой контрразведки. Слежка установила, что генерал записался в Астраханскую армию и неодобрительно отзывался о Добровольческой. Осенью 1918 г. он был командирован штабом этой армии в Киев, где его арестовали немцы за содействие Добровольческой армии (пытался вывезти вооружение и военную технику якобы для нужд Астраханской армии)¹⁰. 19 ноября (2 декабря) 1918 г. Федулаев вновь объявился в Добровольческой армии¹¹.

Екатеринослав. Дореволюционная открытка

Масштабная работа сторонников белых в Екатеринославе была бы невозможна без поддержки местных властей. Екатеринославский губернский староста генерал-майор И.И. Черников сочувствовал белым, в его доме собирались члены Союза русских людей на Украине, а чиновник для особых поручений при губернском старосте непосредственно даже входил в состав бюро Перфильева. Сам Черников в эмиграции вспоминал: *«Узнав, что в Екатеринославе существует секретная организация Добровольческой армии, я с первых же дней познакомился с правлением этой организации, в котором работали: полковники Островский, Перфильев и Крыжановский; обер-офицеры: Ильяшевич, Шидловский и др[угие], всех не помню...»*

Полковник Перфильев был назначен мною начальником варты (полиции) Екатеринославской губ., а Крыжановский, Ильяшевич, Шидловский и поруч[ик] князь Козловский состояли при мне адъютантами.

За все время нахождения помянутой организации Добр[овольческой] армии в Екатеринославе я старался материально поддерживать всех членов организации. Даже во время оккупации Малороссии австро-германскими войсками в Английском саду мною было устроено народное гуляние для поддержания борьбы с бандитами¹². Собранная с этого гулянья сумма более 30 000 руб. была передана потом в Добровольческую армию. При докладе полковником Перфильевым генералу Лукомскому о переданных Добровольческой армии 30 000 руб. генерал Лукомский вместо благодарности сказал: «Добровольческая армия не нуждается в деньгах»¹³.

Комендант Екатеринославской губернии полковник Волошинов не препятствовал работе белых, полиция смотрела на все сквозь пальцы, поскольку инспектор Державной варты руководил бюро. Удалось привлечь к сотрудничеству двух помощников комендантов станций и помощника начальника станций, что оказалось крайне полезным для переброски добровольцев и грузов. Два офицера железнодорожной милиции также состояли в организации¹⁴. Австрийское командование, дислоцированное в Екатеринославе, белым не препятствовало. Чунихин рассчитывал, что Екатеринославская губерния даст белым не менее 2000 добровольцев. Кроме того, в Екатеринославе ликвидировались склады Красного креста, Союза городов и Земского союза, чем белые собирались воспользоваться для закупки необходимых предметов.

Следующий рапорт Чунихин отправил начальнику военно-политического отдела 23 августа (5 сентября) 1918 г. К этому времени почти ничего не изменилось. К прежним помощникам Перфильева прибавилось упоминание казначея поручика гвардии Ильяшевича. Чунихин считал, что руководители бюро достаточно инертны (исключая мичмана Вавилова) и неопытны, в связи с чем из Добровольческой армии необходимо назначить помощника начальника бюро или официального представителя, который бы мог «подталкивать работу и негласно руководить ею, не задевая самолюбия инициатора»¹⁵. Чунихин подчеркнул резко антинемецкие настроения населения. В общей сложности бюро отправило в Добровольческую армию 350 добровольцев, включая 160 офицеров¹⁶. Подотделы бюро открылись в уездных городах: Александровске, Павлограде, Верхнеднепровске и Новомосковске.

Для получения средств был организован вечер в общественном саду «в пользу актив[ных] борцов с большевиками — русских добровольцев, отправляющихся в армию», что дало 23 000 руб.¹⁷ Опираясь на административный ресурс начальника Державной варты (полицмейстера) полковника М.А. Левитеса, сотрудники центра обложили данью антрепренерные клубы города с азартной игрой, что позволило заработать до 40 000 руб.¹⁸ По свидетельству Чунихина, «операция эта заключалась в следующем. В гор[оде] Екатеринославе существуют три так называемых антрепренерских клуба с широко развитой азартной игрой, приносящие ежемесячно доход своим владельцам от 150 000 до 300 000. По моей инициативе решено было их нелегально обложить в пользу армии ежемесячными взносами при посредстве полицмейстера полковника Левитес, под угрозой, в случае отказа, их закрытия. Общая сумма обложения 70 000 руб. ежемесячно. Ко дню моего отъезда было получено 37 000. Официально содержатели клуба

вносят деньги в депозит местного Союза офицеров, который их передает нам под видом денег на покупку белья для нуждающихся офицеров и под видом ссуд нуждающимся офицерам»¹⁹. Кроме того, Чунихин сумел закупить медикаменты для армии (по 30 000 аршин марли и бинтов и несколько пудов ваты)²⁰. Чунихин задержался в Екатеринославе из-за инертности руководства бюро.

Осенью 1918 г. по мере ухудшения положения австро-германцев на Украине стали меняться условия работы белых вербовщиков. Союз офицеров постановил в случае ухода австро-германцев защищать город, но при условии прихода в кратчайший срок Добровольческой армии. Начальник бюро полковник Перфильев считал положение Украины безнадежным и был убежден, что после ухода немцев придут красные и что для препятствия этому нужна помощь²¹. При этом «низы» ждали красных.

31 августа (13 сентября) 1918 г. сам Перфильев написал рапорт начальнику политического отдела Добровольческой армии, отметив, что «еще ни разу не получал от Вашего превосходительства никаких директивов»²². В сентябре 1918 г. генерал М.В. Алексеев сообщил Перфильеву: «Прошу Вас принять на себя непосредственное руководство делом отправки офицеров и солдат в Добровольч[ескую] армию из г. Екатеринослава и Екатеринославской губернии. Для этой цели Вам надлежит объединить сочувствующие нашему делу общественные круги и направить их деятельность на содействие делу Добр[овольческой] армии.

Я уполномочиваю Вас на изыскание денежных средств на месте, потребных для организации дела набора и для отправки добровольцев в армию, и доверяю Вам по этому вопросу от моего имени обращаться к лицам, сочувствующим идеям Добровольч[еской] армии.

Прошу Вас вести работу совместно с капитаном Чунихиным, на которого возложено исполнение особых задач»²³.

О работе в Екатеринославе отчитывался и прибывший в Добровольческую армию помощник Перфильева мичман Вавилов, что вызвало недодуменную резолюцию генерала А.С. Лукомского: «Кто же в Екатер[инославе] предст[авитель] Добр[овольческой] армии: Перфильев или Вавилов»²⁴. В рапорте Вавилова на имя помощника верховного руководителя Добровольческой армии от 25 сентября (8 октября) 1918 г. отмечалось, что «работа бюро в городе заметно уменьшилась, благодаря вмешательству австрийцев.

Начальнику бюро австрийцы устраивают всякого сорта гадости, следят за каждым шагом не только офицеров бюро, но даже к их знакомым домами назначают отдельных агентов для наблюдения»²⁵. В итоге начальник бюро запросил от Добровольческой армии замену прежнего состава новым.

В отношении Перфильева белому командованию поступала разноречивая информация. В частности, представитель Добровольческой армии для связи с донским атаманом и правительством генерал Е.Ф. Эльснер сообщал дежурному генералу штаба армии 9 (22) сентября 1918 г., что Перфильева обвиняют в финансовой нечистоплотности и в предложении своих услуг Астраханской армии²⁶. Некоторые представители белых мимикрировали постоянно. Например, представитель в Александровске подпоручик (в дру-

гих документах — поручик) Младов, бывший офицер Лейб-гвардии Литовского полка, служил в украинских войсках и вел широкий образ жизни, собирая деньги с окрестных помещиков на помощь Добровольческой армии. По мере необходимости он именовал себя представителем то Добровольческой, то Астраханской армий²⁷. Позднее в Александровске запись в Добровольческую армию запретили и зачисляли только в Астраханскую армию.

Следующий рапорт Чунихина датирован октябрем 1918 г., когда он ездил в командировку в Екатеринослав и Киев. Самого себя он именовал представителем Добровольческой армии при Екатеринославском бюро. Как отметил офицер, условия работы на Украине изменились коренным образом. Перфильева в связи с его работой у белых отстранили от должности на украинской службе, что привело к приостановке деятельности бюро. Помещение бюро реквизируют австрийцы, а за всеми сотрудниками велась слежка. По настоянию оккупантов был отстранен от должности начальника Державной варты и полковник М.А. Левитес, которого даже на сутки арестовали и провели обыск на квартире. По свидетельству Чунихина, преследования начались из-за доносов двух офицеров: бывшего полицмейстера Белокопя и начальника сыскного отделения Погорелова.

Новым руководителем бюро стал прапорщик артиллерии Р.Г. Кригер, провинциальным отделом заведовал студент горного института Г.Р. Брюховский, назначенный Перфильевым, работал здесь и брат «отличившегося» в Александровске офицера капитан (по другим документам, штабс-капитан) Младов. Было решено усилить контрразведывательную работу. Всего бюро направило в Добровольческую армию за июль, август и октябрь (в сентябре отправки не было) 482 офицера и 330 солдат, а с учетом отправки из уездов — 553 офицера и 417 солдат и добровольцев²⁸. Средства не поступали. Работа бюро почти приостановилась, но стал создаваться штаб самообороны для объединения офицерства и интеллигенции для защиты города от красных в случае ухода немцев. Причем штаб считал себя ячейкой Добровольческой армии. Чунихин предполагал, что это даст возможность воспользоваться имевшимся в городе военным имуществом (шесть орудий украинских частей, два бронеавтомобиля, включая один пушечный, и три аэроплана).

Кроме того, в городе открылись конкурирующие бюро других антибольшевистских армий, но монархических и прогерманских: Астраханской во главе с полковником Селивачевым и Южной во главе с гвардии капитаном Якимовичем. С последним как со сторонником Добровольческой армии поддерживал контакт и Чунихин²⁹.

Связь представителей в Екатеринославе с Добровольческой армией была регулярной и осенью 1918 г. Следующая по времени докладная записка была направлена уже на имя Чунихина чиновником особых поручений при екатеринославском губернском собрании бывшим поручиком гвардейской конной артиллерии Шидловским 30 октября (12 ноября) 1918 г. Автор записки сообщал, что около трех недель назад из уездов стали посту-

пать сведения о появлении банд грабителей. Наиболее тревожные сообщения поступали из Александровского уезда (как известно, ставшего базой махновского движения). Банды автор записки считал большевистскими. Именно к этому периоду относится активизация махновского движения как массового явления. Махновцы захватили село Гуляй-Поле, ставшее их столицей. Украинские органы правопорядка (Державная варта) были бессильны с ними бороться из-за нехватки личного состава, слабого вооружения и разбросанности вартовых по селам отдельными постами (на село в 1000-1500 жителей приходилось три-четыре вартовых)³⁰. К тому же в Державную варту попали бывшие красногвардейцы, что усугубляло ситуацию. Банды нередко убивали вартовых, в связи с чем последние бежали со службы, опасаясь за свою жизнь.

В регионе располагался XII австро-венгерский корпус. Австрийское командование препятствовало организации самообороны и даже пыталось изъять два броневедомоцикла, имевшиеся в 8-м броневом дивизионе. По мере роста махновского движения стало ясно, что австрийцы ничего сделать не могут. В ноябре австрийцев сменили германские войска. Своей основной задачей оккупационное командование считало охрану железных дорог и основных центров до эвакуации из губернии³¹.

Карта Екатеринославской губернии

С 10 (23) октября 1918 г. (согласно приказу Екатеринославскому центру Добровольческой армии — с 16 (29) октября³²) Екатеринославский центр возглавил бывший офицер 133-го пехотного Симферопольского полка полковник **Роман Карлович Островский**³³. По всей видимости, с этого времени можно говорить о существовании Екатеринославского центра. Островский считался очень энергичным человеком. 16 (29) октября 1918 г. он принял дела от начальника бюро Добровольческой армии полковника Перфильева, о чем донес в рапорте под № 1 24 октября (6 ноября) 1918 г.³⁴ Начальником штаба являлся полковник Иван Афанасьевич Лукшин, заведующим разведкой — капитан Михаил Дмитриевич Скобликов, а позднее — полковник Филипп Саввич Богданов, секретарем-казначеем — полковник Всеволод Тимофеевич Ласс, обер-офицером для поручений — капитан Краснокутский.

Приходилось подумать и об элементарной конспирации. Начальник центра в переписке с Добровольческой армией стал именоваться полковником Романовым, а начальник штаба — полковником Ивановым³⁵.

Островский руководствовался приказами, поступавшими из Добровольческой армии. На усиление центра был направлен полковник М.А. Левитес. Среди документов центра в двух экземплярах сохранился ноябрьский приказ начальника военного и морского отдела Добровольческой армии без подписи и даты начальнику центра:

«...немедленно объединить в своих руках все офицерство и благомыслящие элементы, устранить от власти в городе “самостийников”, взяв временно в свои руки всю полноту власти в городе. Ваши частные задачи:

- 1) *установить порядок в городе,*
- 2) *восстановить связь с Киевом, Мариуполем, Бердянском и Таганрогом.*

Мариуполь занят добровольческим отрядом каперанга³⁶ Дмитриева³⁷ и двумя сотнями казаков.

В Бердянске офицеры (до 200–300) объявили себя в распоряжении Добровольческой армии и пока поддерживают порядок.

В случае полной невозможности удерживаться в городе отходите организованно и забирая возможно больше военного имущества на Таганрог или Мариуполь, в последнем тыл (Азовское море) обеспечен. В случае отхода необходимо предупредить соответствующего начальника (полковника барона Штемпеля³⁸ или каперанга Дмитриева) и меня по телеграфу»³⁹.

Таким образом, центру прямо ставилась задача взять власть в Екатеринославе. По всей видимости, эти указания послужили руководством для последующих действий.

Во исполнение приказа главнокомандующего (по центрам армии) Островский занимался налаживанием контактов с местными общественными организациями в целях изыскания средств в интересах Добровольческой армии, для чего организовал особый комитет⁴⁰. Первый взнос сделал А.А. Спасский, выделив ввиду срочности вопроса заимообразно 30 000 руб.⁴¹ Г.Л. Чунихин продолжал курировать центр. В частности, он вернулся из очередной командировки в Екатеринослав 28 октября (10 ноября) 1918 г.⁴²

В ноябре 1918 г. центр перешел к работе в новых масштабах. Еще 4 (17) октября 1918 г. вышло правительственное постановление об организации в целях поддержания законности и порядка добровольческих дружин, которое наряду с гетманским уставом об организации во всех городах Украины добровольческих дружин составило правовую базу нового начинания. Подобные формирования получили широкую известность благодаря роману М.А. Булгакова «Белая гвардия», в котором описаны события в Киеве в декабре 1918 г.⁴³

Екатеринославской городской управой в октябре 1918 г. рассматривался вопрос об организации охраны города, для чего требовалось собрать граждан, соблюдающих дисциплину и умеющих владеть оружием, причем на заседания по этим вопросам приглашался начальник штаба городской охраны (он же — начальник Екатеринославского центра) полковник Р.К. Островский⁴⁴. В результате переговоров командира VIII армейского корпуса (украинского) генерального хорунжего **Игнатия Михайловича Васильченко** (30.01.1872–1920), губернского старосты и представителей австрийского штаба формирование самоохранны было санкционировано и поддержано. Как отмечал чиновник Шидловский, *«таким образом, было разрешено открыто организоваться самоохранны из офицеров в том количестве и таким способом, каким власти найдут нужным, все русское оружие и огнестрельные припасы были выданы укр[аинскими] военными властями без всяких затруднений, броневики были оставлены, а также было отдано распоряжение австр[ийским] войскам оказывать содействие самоохранны»*⁴⁵.

Генерал Н.М. Баташев

Так был сформирован отряд обороны города, или Екатеринославская добровольческая дружина, ставшая ударной силой центра. Руководство центра надеялось сосредоточить в рядах дружины тех офицеров и добровольцев, которых не удалось переправить в Добровольческую армию. Возглавлял это формирование генерал-лейтенант **Никита Михайлович Баташев** (08.09.1854–1927) при помощнике полковнике Линкевиче и начальнике штаба полковнике А.М. Карамышеве. Баташев занимал должность офицера для поручений при Екатеринославском центре. Позднее участвовал в Екатеринославском походе.

Разведывательным отделением руководил лично полковник Р.К. Островский. Начальниками районов (районных отделов) были полковники Адамский (предположительно, будущий польский генерал Э.Ф. Адамский), С.А. Ананьев, В.Д. Войцеховский⁴⁶ и В.Т. Ласс⁴⁷. Согласно инструкции от 4 (17) ноября 1918 г., дружина делилась на десять отделов: отдел Генерального штаба (ведаль операциями, разведкой, связью, бюро печати и связью с общественными организациями); инспекторский отдел (организация, служба, обучение и личный состав); артиллерийский; инженерный; интендантский; пулеметный и четыре районных отдела, ведавшие выбором и обучением добровольцев, охраной и поддержанием порядка в городе⁴⁸. Каждый отдел состоял из четырех рот и резерва. Начальник дружины наделялся правами начальника дивизии. Начальником снабжения предполагался полковник И.А. Лукшин, заведующим артиллерийским снабжением — полковник С.П. Рахмин, заведующим инженерным снабжением — полковник Давыдов, начальником пулеметного отдела — полковник Ф.С. Богданов⁴⁹.

А.М. Карамышев (впоследствии — генерал-майор) вспоминал, что *«за короткое время численность дружины достигла до 200 человек. Спаянная старыми боевыми офицерами, дружина представляла из себя крепкую духом воинскую часть, ненавидящую большевиков и сознательно стремившуюся служить порядку и справедливости. Впоследствии дружина на деле показала свою силу и стойкость хорошей воинской части... Должен сказать, что главным деятелем в дружине был полк[овник] Островский, который вел все переговоры с городскими властями и улаживал всякие недоразумения, и дружину по справедливости можно назвать его детищем»*⁵⁰.

От городской управы за период до оставления дружиной Екатеринослава были получены свыше 480 000 руб. на нужды охраны⁵¹. Губернский староста генерал И.И. Черников вспоминал: *«Полковника Островского я так больше и не встречал: ни в дни отъезда моих адъютантов и членов правления Добр[овольческой] армии, ни в дни подготовки отряда екатеринославцев к походу. И, таким образом, я потерял общение с представителями Добров[ольческой] армии. Только в исключительном случае мне пришлось иметь дело с казначеем Екатеринославского отряда — полковником (фамилию не помню), всегда производившим⁵² на всех благоприятное впечатление и вполне внушающим⁵³ доверие. Обычно все просьбы казначея о выдаче денег удовлетворялись мною полностью»*⁵⁴.

Тот же Черников, вспоминая о событиях осени 1918 г., свидетельствовал, что *«гетман вообще стремился завести свою, русскую, армию, и всякого рода ассигнования на полицию и прочее»* понимались как замаскированное восстание собственной, а не немецкой, армии, в руках которой находился глава Малороссии⁵⁵. Но к началу петлюровского движения формирование добровольческих дружин завершено не было⁵⁶. Кроме того, не всегда офицеры, находившиеся на Украине, желали участвовать в борьбе с петлюровцами — некоторые стремились только к борьбе с красными⁵⁷.

В ночь на 1 (14) ноября 1918 г. украинские социалисты сформировали Директорию и объявили о воссоздании Украинской народной республики, а днем — о восстании против гетмана П.П. Скоропадского. В тот же день гетман обнародовал «федеративную грамоту», в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков, несколько десятков сторонников украинского национального движения покинули корпус и перешли в состав формировавшегося Екатеринославского коша. Затем над казармами частей корпуса были подняты российские флаги⁵⁸.

В секретном рапорте начальнику военного и морского отдела Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому от 3 (16) ноября 1918 г. начальник центра полковник Островский сообщил, что *«в настоящее время обстановка в Екатеринославе складывается таким образом, что является полная возможность приступить к формированию частей Добровольческой армии. Наибольший успех сулит формирование 34[-й] пех[отной] дивизии, которая до войны была расположена в г. Екатеринославе, так как налицо почти весь командный и личный офицерский состав этой дивизии, пользующийся заслуженным авторитетом, во главе с бывшим начальником этой дивизии, позднее командиром VIII арм[ейского] корпуса генерал-лейтенантом Баташевым (имеет Георгия 4[-й] и 3[-й] ст. и Георгиевское оружие), который изъявил согласие быть назначенным начальником 34[-й] п[ехотной] дивизии, если ему это будет предложено и о назначении которого на эту должность, если такое формирование будет признано желательным, Екатеринославский центр по психологическим мотивам усердно ходатайствует»*⁵⁹. От армии требовались штаты дивизии и кредиты. Идея возрождения частей Русской императорской армии, в которых ранее служили многие местные офицеры, должна была привлечь ветеранов в возрожденные полки. По оценке Островского, имелась возможность сформировать три полка дивизии: 133-й пехотный Симферопольский, 134-й пехотный Феодосийский и 135-й пехотный Керчь-Еникальский. Еще один полк дивизии, 136-й пехотный Таганрогский, по частным сведениям, формировался на Дону. Для рассмотрения этого предложения и получения штатов в Добровольческую армию командировался штабс-капитан Младов.

9 (22) ноября 1918 г. в центр, вероятно, начальником военного и морского отдела Добровольческой армии было сообщено, что главнокомандующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин санкционировал формирование центром 34-й пехотной дивизии *«согласно существующей*

организации и украинских штатов и временно на украинские же деньги»⁶⁰. При чем «необходимо тщательно следить за тем, чтобы весь командный состав сверху донизу был бы предан русской идее»⁶¹. В дальнейшем этот замысел был реализован. Разрешалось принимать в Добровольческую армию из австрийских офицеров только славян, причем по рекомендации. Прием немецких офицеров запрещался. Ввиду завершения Первой мировой войны изменились и задачи сбора данных разведкой центра. В частности, предписывалось снять с учета австрийские войска, а в перспективе и германские, собирать информацию о разложении в последних, а также об их отношении к красным. Центральное значение в сборе данных приобретали сведения о большевиках как местных, так и внешних. Требовалось опрашивать на этот счет прибывающих из Советской России.

VIII украинский корпус генерального хорунжего И.М. Васильченко состоял практически из одних штабов, был пополнен по мобилизации офицерами, не желавшими там служить, и реальной силы не представлял. Как свидетельствовал штабс-капитан В.М. Шапошниченко, «в командный состав 8[-го] украинского корпуса, расквартированного в гор[оде] Екатеринославе, в бывш[их] казармах 133[-го] пех[отного] Симферопольского и 134[-го] пех[отного] Феодосийского полков вошли почти все офицеры старой императорской армии — коренные жители Екатеринослава или же офицеры, в силу сложившихся обстоятельств не могущие выехать к своим родным местам и случайно застрявшие в Екатеринославе.

Таким образом, командный состав этого корпуса получился далеко не чисто украинским, а тем более самостоятельным, а состоящим из старых и молодых офицеров бывш[ей] императорской армии»⁶².

Начальник пулеметной команды 44-го сечевого полка корпуса вспоминал о составе офицеров полка: «Состав полка был весьма разнообразен, представлены в нем были офицеры различных частей русской армии. Большинство же из них были уроженцы Украины, остальные — жившие в то время на Украине, подавляющее большинство были уроженцы г. Екатеринослава и его уездов.

Украинским языком владело весьма и весьма ограниченное число лиц. Служебная переписка велась весьма своеобразно. Составляли бумаги писаря, владевшие языком, и два-три офицера, также в совершенстве и грамотно владевшие языком.

Остальные ставили лишь свои «украинские» подписи и старались в меру возможностей изъясняться на украинском языке.

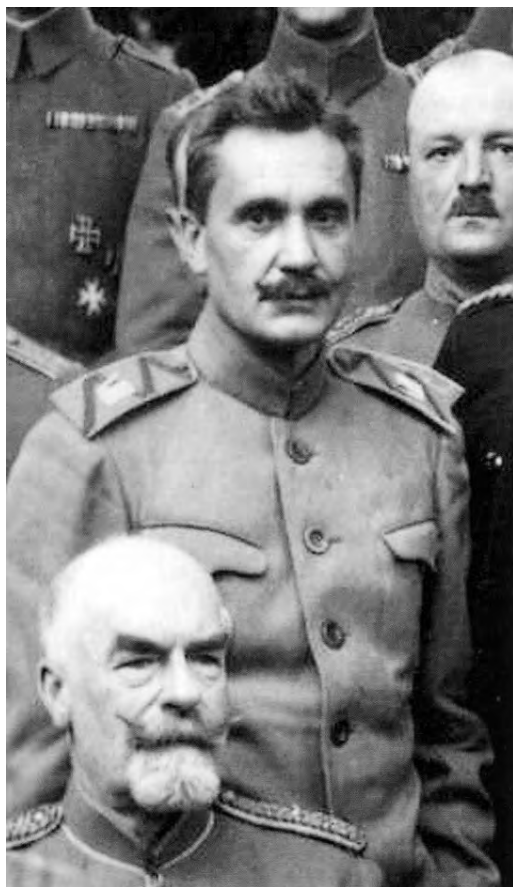
В собрании и между офицерами разговор велся почти всегда на русском языке, т.к. почти все украинского языка не знали.

При полку были организованы курсы украинского языка. Преподавал какой-то учитель сельской школы, но толку получалось мало. И зачастую разговор, особенно в присутствии к[оманди]ра полка, старавшегося ревностно говорить всегда по-украински и не умевшего это, принимал анекдотическую форму...

О каком бы то ни было сепаратистском движении большинство и думать не хотело, правда, было около 10 человек сепаратистов, но им приходилось выдерживать значительный нажим со стороны остальных офицеров, особенно

в последнее время в связи с переменной политики гетмана в отношении Добровольческой армии»⁶³. Речь шла об изменении политического курса гетмана П.П. Скоропадского в сторону общерусской ориентации и сближения с белыми в ноябре 1918 г. Картина представляется характерной и для других частей корпуса. Неудивительно, что националистически настроенный украинский офицер счел себя в штабе корпуса, где господствовал русский язык и русская военная форма, «как на палубе чужого корабля»⁶⁴.

По косвенному свидетельству со слов генерала Васильченко, «корпус выполняет миссию Добровольческой армии на Украине и идет в тесном контакте с нею»⁶⁵. Вероятно, такие высказывания звучали в более поздний период, тогда как до начала петлюровского движения Васильченко, по свидетельству начальника Екатеринославского центра, активно проводил украинизацию и не сочувствовал Добровольческой армии, однако затем резко пересмотрел свои взгляды⁶⁶. Аналогичного мнения придерживался и губернский староста, по свидетельству которого «генерал Васильченко все время держал себя

Генерал И.М. Васильченко (в центре). 1918 г.

замкнуто, и, вероятно, потому о нем сложилось мнение как о самостийнике»⁶⁷. А.М. Карамышев вспоминал, что Васильченко первоначально именовал добровольческую дружину бандой и при переговорах с ее руководством в лице генерал-лейтенанта Баташова и полковника Островского отказал в какой-либо поддержке⁶⁸. В случае столкновения корпуса и дружины, по мнению Карамышева, история Белого движения на Юге России сложилась бы иначе — «тогда не было бы Екатеринославского похода и не было бы Ак-Маная, Перекопа, Врангеля и т.п.»⁶⁹. Имелись в виду события истории Белого движения в Крыму в 1919 г. — бои на Ак-Манайских позициях и на Перекопе, а также врангелевский период Белого движения в 1920 г. И если говорить о роли екатеринославцев в крымских боях 1919 г. еще можно (хотя в тех событиях участвовали не только они), то связывать с последствиями Екатеринославского похода сохранение за белыми Крыма в 1920 г. нет никаких оснований.

Начальник штаба корпуса генеральный хорунжий П.Г. Кислый был точным исполнителем распоряжений своего шефа, в дальнейшем участвовал в Екатеринославском походе, причем участвовал в боях наравне с обычными офицерами и был ранен⁷⁰. Позиция прочих штабных работников корпуса видна из документа о настроениях генштабистов. В корпусе имелось несколько генштабистов: подполковник В.И. Галкин, капитан А.И. Вельтищев и курсовик штабс-капитан З.М. Левицкий. В начале 1919 г. возник вопрос о допустимости их приема в Добровольческую армию как служивших Украине, в связи с чем 29 января (11 февраля) 1919 г. был запрошен их сослуживец полковник Г.И. Коновалов из штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии: «Для решения вопроса приема [в] Добрармию Генштаба подполковника Галкина, капитана Вельтищева и штабс-капитана Левицкого, служивших Украине и участвовавших [в] походе и боях [на] маршруте Екатеринослав — Берислав — Перекоп, суд чести не имеет достаточно материала. Прошу Вас срочно доставить Ваше показание относительно перечисленных офицеров, обрисовывающее их нравственный облик, отношение [к] Украине и Добрармии, работу⁷¹ на пользу последней, а также и другие сведения, которые могли бы суду чести оказать помощь [в] решении вопроса»⁷².

Начальник центра сообщал об их роли дежурному генералу штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генерал-майору С.М. Трухачеву: «Все эти офицеры безукоризненных нравственных качеств и безусловно преданны общероссийскому делу. За все время пребывания их на службе в украинской армии означенные лица ничем не проявляли самостийных стремлений, наоборот, при всех сношениях моих с украинским командованием шли всегда навстречу нуждам центра и, поскольку зависело от них, занимавших нужные должности, оказывали всяческое содействие.

При перемене курса генералом Скоропадским в сторону общерусской ориентации все указанные офицеры радостно встретили этот акт и по возникновении петлюровского движения без колебаний явно стали на сторону той группы офицеров, которая, объединяясь вокруг центра, заявила себя противниками самостийной Директории. Во время боев, происшедших в Екатеринославе между офицерской орга-

низацией и петлюровцами, подполковник Галкин, капитан Вельтищев и шт[абс]-кап[итан] Левицкий приняли деятельное участие на стороне первых. Капитан Вельтищев, кроме того, состоял в комиссии по подготовке и организации похода Екатеринославского отряда в Крым на присоединение к Добровольческой армии.

Все трое — не колеблясь, вошли в состав отряда и выступили с ним в поход.

Во время похода как офицеры Генерального штаба отлично работали на маршах и в боях, помогая вывести отряд из тяжелых условий окружения враждебными бандами»⁷³.

Заметной фигурой среди генштабистов являлся начальник штаба 15-й пехотной дивизии VIII украинского корпуса, бывший офицер 134-го пехотного Феодосийского полка, подполковник **Герман Иванович Коновалов** (31.08.1882–30.03.1936) — «молодой, энергичный офицер Генер[ального] штаба», который «взял в это время инициативу и стал душой и опорой военной власти в обороне города.

У ген. Васильченко и Кислого были свои заботы и обязанности по отношению к частям 8-го корпуса, расположенным вне Екатеринослава в других городах, как и вопросы политической обстановки в стране. Герман Иванович имел, вероятно и связи с командованием Д[обровольческой] а[рмии], хорошо знал город, так как служил в мирное время, знал молодежь, т.к. были его учениками (он, кажется,

Генерал Г.И. Коновалов в эмиграции. Бахметевский архив Колумбийского университета.
Публикуется впервые

преподавал строй и гимнастику в гимназии), поэтому около него легко объединилась значительная группа. По-видимому, он внушил ген. Васильченко идею двинуться с корпусом на соединение с Д[обровольческой] а[рмией]»⁷⁴. По оценке генерала А.М. Карамышева, «это был отличный офицер, способный, энергичный, знающий и всю душою преданный военному делу. За все время существования дружины он не прерывал с нею связи и помогал, чем мог. Предвидя в будущем неблагоприятные возможности, он предложил дружине начать совместную подготовку к походу. Подготовка касалась главным образом сформирования необходимого обоза»⁷⁵. По оценке генерала П.С. Махрова, Коновалов был одним из самых талантливых деникинских генштабистов⁷⁶. Выдающимся офицером его считал и генерал П.Н. Врангель⁷⁷.

Весной 1920 г. Коновалов стал генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего ВСЮР, а позднее — Русской армии. По свидетельству генерала В.В. Чернавина, Коновалов — «действительно выдающийся офицер Ген[ерального] штаба, головой выше всех иных, кого я знал из офицеров Ген[ерального] штаба ставок ген. Деникина и ген. Врангеля. Положение полк. Коновалова у Врангеля было несколько своеобразным — ген. Врангель при вступлении своем в должность главнокомандующего был против него предубежден и склонен был не иметь его у себя в Ставке, однако, узнав его ближе, он увидел, что уход Коновалова был бы для Ставки трудно восполнимой потерей»⁷⁸. Резкой критике вследствие личных противоречий подвергал Коновалова генерал Я.А. Слещов⁷⁹.

Но во взаимоотношениях офицеров не все было благополучно. Как свидетельствовал тот же очевидец, «энергичная фигура Коновалова отодвинула на второй план начальника штаба ген. Кислого, а его “малорусский язык”, видимо, дал ошибочное представление о его настоящей ориентации»⁸⁰. При этом сам Кислый в эмиграции вспоминал «о подозрении его Васильченко в петлюризме и предполагает, что это интрига Коновалова, мне [автору свидетельства] кажется, что это не так, а сам он подал повод»⁸¹.

Представляет интерес приходно-расходная ведомость центра за период с 10 (23) октября 1918 г. по 12 (25) апреля 1919 г., позволяющая оценить как уровень поддержки этого органа, так и выполнявшиеся им задачи. Поступление денежных средств было следующим (табл. 1).

Таблица 1
ПОСТУПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ЦЕНТР
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ⁸²

Приход	Сумма
От Союза офицеров Екатеринослава	500 руб.
От Екатеринославской городской управы на содержание добровольческой дружины	187 853 руб. 21 коп.
От Екатеринославского губернского казначейства по ассигновкам губернского старосты на нужды добровольческой дружины	300 000 руб.

Приход	Сумма
От корпусного интендантства VIII украинского корпуса на расходы во время похода дружины из Екатеринослава на соединение с Добровольческой армией	416 000 руб.
От продажи в пути во время похода слабосильных лошадей	2700 руб.
Остаток от прежнего бюро Добровольческой армии	6100 руб.
Добровольное пожертвование от клуба «Жокей» в Екатеринославе	2400 руб.
Переменные суммы:	
Не розданное содержание чинам дружины	18 255 руб. 7 коп.
Удержание от чинов дружины за различные виды довольствия	22 923 руб. 46 коп.
Выписанные, но не розданные деньги офицерам, записаны обратно на приход	3613 руб. 70 коп.
Итого:	96 0345 руб. 44 коп.

Расход центра был следующим (табл. 2).

Таблица 2

РАСХОД ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМ
ЦЕНТРОМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ⁸³

Расход	Сумма
Содержание чинам Екатеринославской добровольческой дружины и чинам Екатеринославского центра Добровольческой армии с 10 (23) октября 1918 г. по 1 (14) мая 1919 г.	581 028 руб. 14 коп.
Походные деньги за время перехода дружины из Екатеринослава в Симферополь	68 663 руб. 73 коп.
Суточно-кормовые деньги чинам дружины и центра	45 571 руб. 74 коп.
На хозяйственные надобности дружины	55 453 руб. 50 коп.
Подъемные деньги офицерам, отправленным на Дон	2765 руб.
Довольствие людей в походе дружины	11 613 руб. 52 коп.
Возвращено Союзу офицеров	500 руб.
Довольствие лошадей дружины	23 583 руб. 50 коп.
Наем подвод в походе дружины	5685 руб. 45 коп.
Выдано Екатеринославскому бюро по вербовке и отправке офицеров и охотников в Добровольческую армию	36 000 руб.
Возвращены деньги офицерам, удержанные в Екатеринославе за выданные им вещи	6096 руб. 94 коп.
На канцелярию центра и письменные работы	907 руб. 95 коп.
Наем помещений под канцелярию центра с 10 (23) октября 1918 г. по 1 (14) апреля 1919 г.	5529 руб. 23 коп.
Расходы по разведке и командировке	5150 руб. 40 коп.
Потеря от обмена украинских карбованцев на крымские денежные знаки по курсу, установленному Крымским краевым правительством (1 карбованец = 75 коп.)	9968 руб. 96 коп.

Расход	Сумма
Пособие к Пасхе 1919 г. в размере месячного оклада	3850 руб.
Передано в 133-й пехотный Симферопольский полк на хозяйственные нужды при формировании полка по распоряжению формирующего дивизию	50 000 руб.
Удержанные с офицеров и отправленные в другие части	538 руб.
Итого:	913 006 руб. 6 коп.

Эти данные свидетельствуют о том, что сформированная центром добровольческая дружина и сам центр, по сути, финансировались местными украинскими властями. Кроме того, существенные средства были получены от VIII украинского корпуса непосредственно во время Екатеринославского похода. Прочие поступления не были столь значительными. Основной расход составляло содержание дружины.

В городе к началу декабря нового стиля сложилась тяжелая для сторонников белых обстановка. Германские войска держались пассивно. В результате начавшегося безвластия в уездах губернии усилился бандитизм, активизировались сторонники красных, а сам Екатеринослав был частично занят петлюровцами. 23 ноября (6 декабря) 1918 г. в городе произошел бой со сторонниками Директории. Губернский староста 24 ноября (7 декабря) 1918 г. обратился к начальнику дружины с просьбой обеспечить защиту почты и губернского правления от возможного захвата петлюровцами и большевиками и принять меры к недопущению каких бы то ни было выступлений⁸⁴. В известность ставились начальник германской дивизии и командир VIII корпуса. По данным на 28 ноября (10 декабря) 1918 г., в дружине числились 224 инструктора (офицера) и 117 добровольцев. Всего — 341 человек⁸⁵. Среди проектных документов по дружине хранится и штат Екатеринославского отряда, включавший 333 офицера, 3 классных чинов и 108 гражданских⁸⁶.

Екатеринославский центр Добровольческой армии в конце 1918 г. сыграл важную роль в подготовке и проведении Екатеринославского похода — исхода из Екатеринослава в Крым бывших украинских частей и добровольцев под общим командованием генерала Васильченко. К столетию похода, благодаря публикуемым документам, становится более понятной подоплека этих событий. Очевидно, именно с активностью Екатеринославского центра связана фраза из письма командующего группой советских войск Курского направления В.А. Антонова-Овсеенко В.И. Ленину от 22 ноября 1918 г. о том, что в Екатеринославе, по слухам, «сидят» добровольцы⁸⁷.

Разумеется, немалую роль в организации похода сыграл не только Екатеринославский центр, но и штаб VIII корпуса, тем более что Екатеринославский отряд все же возглавил не начальник центра Добровольческой армии, а бывший командующий украинским корпусом генерал Васильченко, а начальником штаба стал Г.И. Коновалов. По свидетельству одного из участников похода, «положение офицерского отряда, именовавшегося

8-м украинским корпусом, было неважное. Мы были отрезаны от всего мира и окружены крестьянской стихией, где свободно действовали петлюровские агитаторы. Нужно было принимать какое-то решение.

Так как традиции 1917 года еще не были изжиты, генерал Васильченко приказал созвать весь наличный состав корпуса на митинг с целью обсудить положение. Полковник Коновалов (впоследствии — генерал-квартирмейстер Добровольческой армии⁸⁸) и некоторые другие офицеры стали горячо ратовать за выход из Екатеринослава с оружием в руках и за соединение с Добровольческой армией. Несмотря на яростную оппозицию украинофильствующего меньшинства (автор этих строк едва не был пробит штыком одного из оппозиционеров), громадное большинство высказалось за принятие плана полковника Коновалова⁸⁹.

После столкновений с петлюровцами стало ясно, что силами добровольцев Екатеринослав не удержать, поскольку соотношение сил постепенно менялось. Тогда было принято решение уходить из Екатеринослава на соединение с Добровольческой армией по кратчайшему пути на Крым. Поход начался ночью, в обстановке строгой секретности, причем даже не все сторонники белых были поставлены в известность.

Как свидетельствовал оставшийся в городе М.Д. Скобликов в письме начальнику центра от 9 (22) февраля

Схема Екатеринославского похода, начерченная по заказу участника похода, председателя инициативной группы по написанию истории похода, штабс-капитана Б.П. Войнарского в 1938 г. Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. М., 2008

1919 г., «корпус ушел ночью в 1 ч., и сейчас же командир 8го авиацион[ного] отряда... отправился в штаб республиканских войск и сообщил: «Ваша светлость, я прибыл к Вам на службу; корпус офицеров только что ушел в направлении к дачным проходам». В штабе не хотели верить и, только придя в себя, поверили совершившемуся факту, и была организована погоня под командой прапорщика Богдановича»⁹⁰. Были проведены обыски на квартирах Островского и Г.И. Коновалова, причем на квартире Островского петлюровцы забрали деньги, пальто и другие вещи, под видом обыска была ограблена и квартира Коновалова⁹¹.

Екатеринославский отряд покинул город в ночь на 27 ноября (10 декабря) 1918 г. Отряд составили 994 человека при двух броневедомоколах (также встречаются данные о трех), нескольких вооруженных грузовиках и четырех орудиях. Как отмечал один из участников похода, особенностью Екатеринославского отряда являлось то, что, «будучи составлен почти исключительно из уроженцев так называемой Украины, он был насковзь пропитан русским патриотизмом, и свои первые удары он нанес именно по расчлениателям России»⁹². К отряду присоединился даже 14-летний сын Екатеринославского губернского старосты И.И. Черникова. Впрочем, в отряд вошла меньшая часть местного офицерства, которое, по разным данным, составляло от восьми до десяти тысяч человек⁹³.

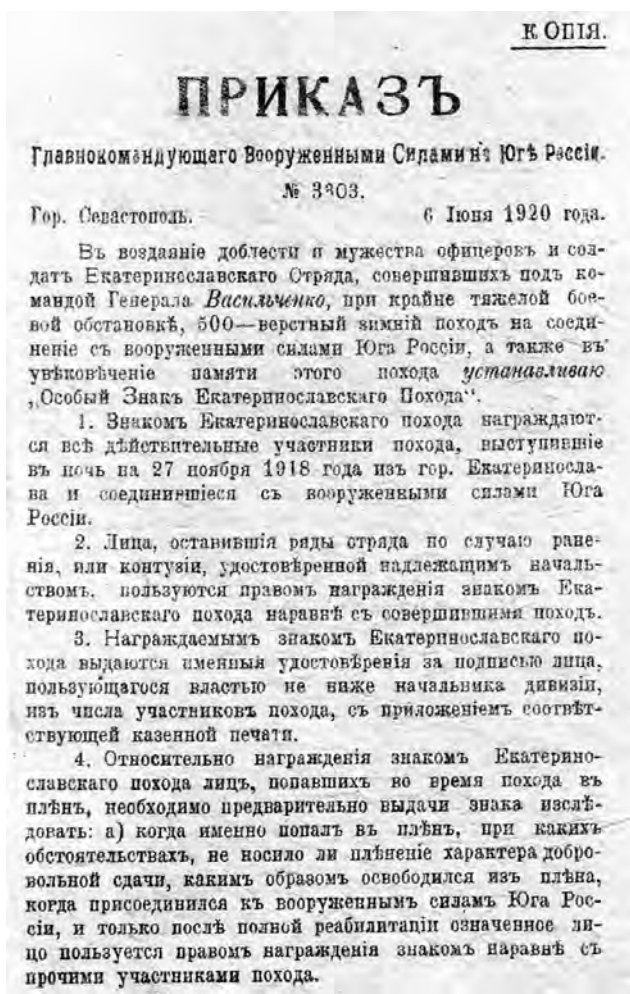

Особый знак Екатеринославского похода.

Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. М., 2008

За 34 дня похода было пройдено порядка 500 верст, произошло несколько боевых столкновений с петлюровцами. Броневики, застрявшие в снегу, пришлось бросить по пути. В Крыму VIII украинский корпус 17 (30) декабря 1918 г. был включен в состав войск Добровольческой армии, а затем ввиду малочисленности переформирован в сводный батальон под командовани-

ем бывшего командира корпуса генерал-майора И.М. Васильченко (весной 1919 г. батальон был развернут в полк, осенью 1919 г. полк развернули в бригаду, а в декабре 1919 г. бригада была развернута в 34-ю пехотную дивизию)⁹⁴. В память о походе летом 1920 г. в Крыму был учрежден особый знак, а в эмиграции возник Союз участников Екатеринославского похода⁹⁵.

Приказ главнокомандующего ВСЮР генерала П.Н. Врангеля об учреждении знака.
Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. М., 2008

В Екатеринославе для продолжения работы были оставлены несколько офицеров. М.Д. Скобликов в письме начальнику центра о событиях после ухода корпуса из города рисовал дикую обстановку, сложившуюся под властью петлюровцев: «После пошла жизнь новая. Лица некоторые изменили свою

физиономию. Начались репрессии, обыски и аресты. Я дома не жил — два раза искали меня, но их обыски были тщетны. Здесь-то вырисовалась физиономия тех, о которых я Вам сообщал в свое время, о них после. Арестовали: Аверьянова, прокурора суда, Гололобова, к[оманди]ра 8[-го] инжен[ерного] полка, приставов и др[угих]. Все эти лица при царствовании махновц[ев] расстреляны. Конечно, сейчас же была объявлена мобилизация всех офицеров до 35-летн[его] возраста, но никто не шел. Кажется, всего человек 40 и то больше добровольно. Начались грабежи граждан на улице самими солдатами, да и представители власти от этого не отставали»⁹⁶.

Петлюровцы грабили клубы и банки. «Началась агония — каждый атаман считал себя только правильным. Единой власти в городе не было. Сколько атаманов было, столько властей. Каждый атаман производил по своему уразумению обыски, реквизиции и т.д. Особенно усердствовал[и] в гонении за офицерами и буржуями Гладченко и Кривченко. Василюк, Скляр и Кесель — они занимались главным образом вымогательством денег. Скоро, конечно, публика приспособилась и к новой власти. Ведь эту власть легко можно было подкупать»⁹⁷.

Основные силы петлюровцы бросили на борьбу с корпусом Васильченко и на помощь атаману Григорьеву, оставив в городе «человек 500, и то такие, которые занимались грабежами и пьянством»⁹⁸. По этим причинам город 14–18 (27–31) декабря 1918 г. на короткий срок захватили махновцы, которые, как отмечал Скобликов, «бандиты, а были много, много организованнее, чем петлюровцы»⁹⁹. Затем вновь установилась власть петлюровцев, после чего город 26 января 1919 г. заняли красные (Особая группа войск под командованием П.Е. Дыбенко)¹⁰⁰. Сам Скобликов был вынужден бежать к сестре в Одессу. В письме Островскому он сообщил список тех, кто подлежал суду, а также вредных и менявших своих убеждения.

В период похода в оперативном отношении добровольческая дружина под командованием генерал-лейтенанта Н.М. Баташева подчинялась генералу Васильченко, а в остальных отношениях сохраняла самостоятельность как часть Добровольческой армии¹⁰¹.

В походе из работников центра участвовали полковники Островский, Лукшин, состоящие при центре чины резерва Добровольческой армии полковники Ф.С. Богданов, Г.И. Коновалов и М. Люткевич. Остался замещать начальника центра в Екатеринославе полковник В.Т. Ласс, на которого было возложено и ведение разведывательной работы. Заведующий разведкой центра капитан М.Д. Скобликов и обер-офицер для поручений капитан Краснокутский не выступили в поход без объяснения причин, вследствие чего были отчислены от своих должностей с 29 ноября (11 декабря) 1918 г.¹⁰² 1 (14) декабря полковник Ф.С. Богданов был назначен делопроизводителем-казначеем центра, а полковники Коновалов и Люткевич — исполняющими должности обер-офицеров для поручений при центре¹⁰³. В течение похода дружина и чины центра участвовали в боях с петлюровцами под деревнями Малашевка Екатеринославской губернии (29 ноября (11 декабря) 1918 г.), Марьинское Херсонской губернии (10 (22) декабря), Дутчино Херсонской

губернии (11 (23) декабря), Зильберовка возле Бизюкова монастыря Херсонской губернии (12 (24) декабря)¹⁰⁴. 29 декабря 1918 г. (11 января 1919 г.) отряд прибыл в Симферополь. В Крыму дружина вошла в состав Добровольческой армии. Добровольческая дружина как состоявшая преимущественно из екатеринославцев и имевшая в своих рядах немало офицеров полка предназначалась на формирование возрождавшегося в рядах Добровольческой армии 133-го пехотного Симферопольского полка 34-й пехотной дивизии¹⁰⁵.

Авиационное имущество вывезти из Екатеринослава не удалось, хотя в октябре 1918 г. офицерам Екатеринославского авиадивизиона предлагалось инспектором авиации Добровольческой армии под видом организации воздушной почты через Харьков перелететь в Екатеринодар, но офицеры тогда отказались, посчитав это авантюрой¹⁰⁶. Позднее во избежание перелета командир корпуса приказал снять с аэропланов магнето и карбюраторы и передать их коменданту Феодосийских казарм. Тем не менее есть данные о том, что летчики совершали полеты в период петлюровского движения. При выступлении в Екатеринославский поход генерал Васильченко почему-то приказал авиадивизиону остаться в Екатеринославе, улететь тогда возможности не было, однако 11 человек не пожелали служить петлюровцам и присоединились к участникам похода¹⁰⁷.

Центр продолжал функционировать в Крыму до весны 1919 г., но его деятельность кардинально изменилась. Задачами центра стали поддержание связи с Екатеринославом и семьями офицеров и добровольцев, материальное обеспечение семей, вербовка в Екатеринославе офицеров и добровольцев для пополнения рядов 34-й пехотной дивизии, возобновление утраченных офицерами документов¹⁰⁸. В приказе по центру № 1 от 3 (16) января 1919 г. отмечалось, что *«гг. офицеры, желающие передать семье в г. Екатеринославе или ближайших окрестностях деньги, вносят назначенную ими сумму в свой полковой денежный ящик на особый учет, после чего командир полка сообщает центру, какая сумма подлежит выдаче семье в г. Екатеринославе. По получении центром сведений, что указанная сумма в г. Екатеринославе семье выплачена, центр сносится с командиром части, и деньги передаются в центр. Желающие получить деньги из Екатеринослава обращаются в центр, где указывается адрес, по которому деньги должны быть внесены в гор. Екатеринославе, и по получении центром сведений, что деньги там внесены, центр выплачивает их на месте своего нахождения.*

Все сведения, имеющиеся в центре о семьях, будут сообщаться во все части, а в случае командировок частей в отдел туда еженедельно будет командирован офицер от центра для передачи полученных сведений.

В случае крайней нужды сообщить письменно какие-нибудь сведения семье центр предоставляет эту возможность, но для этого необходимо явиться лично в центр и получить по этому вопросу указания.

Сообщаемые гг. офицерами адреса принятыми мерами ни в коем случае не могут стать достоянием обыскивающих в пути лиц, и адреса только будут рас-

шифрованы на месте надежными лицами»¹⁰⁹. Отправка агентов в Екатеринослав намечалась по мере возможности дважды в неделю — в понедельник и пятницу¹¹⁰. Центр располагался в Симферополе в № 12 Петроградской гостиницы на Пушкинской улице. Часть записок, направлявшихся из центра в Екатеринослав, а также списки желающих отправить деньги сохранились¹¹¹. Вообще связь с Екатеринославом существовала достаточно прочная. Как вспоминал ветеран Екатеринославского похода полковник С.П. Мартынов, «шпионы сновали всюду. Одна дама приезжала из Екатеринослава, и через нее я посылал семье деньги почти каждый месяц»¹¹².

К 10 (23) февраля 1919 г. из занятого красными Екатеринослава прибыл полковник В.Т. Ласс, покинувший город 11 (23) января. Вместо Ласса в Екатеринославе остался полковник С.П. Рахмин, воссоединившийся с белыми только летом 1919 г. В.Т. Ласс вернулся к прежним обязанностям секретаря и казначея, а замещавший его полковник Богданов стал считаться офицером для поручений при центре¹¹³. Показателем порядков в белом тылу было то, что чины центра на 27 февраля (12 марта) 1919 г. все еще не были зачислены на приварочное и провиантское довольствие интендантства за неполучением из Ставки необходимых документов¹¹⁴. В постоянный состав центра в Симферополе тогда входили три офицера (Островский, Лукшин и Ласс), еще двое постоянных сотрудников (Люткевич и Богданов) считались прикомандированными. 24 марта (6 апреля) 1919 г. ввиду эвакуации штаба армии центр перешел в Севастополь, а 28 марта (10 апреля) выехал из Севастополя и 30 марта (12 апреля) прибыл в Новороссийск¹¹⁵. Заведующим разведкой центра с 25 марта (7 апреля) стал полковник Богданов¹¹⁶.

Согласно телеграмме начальника отдела Генерального штаба военного управления ВСЮР генерал-лейтенанта В.Е. Вязьмитинова от 6 (19) апреля 1919 г. центр расформировывался. Соответствующий приказ подписал начальник военного управления ВСЮР генерал-лейтенант А.С. Лукомский. Личный состав подлежал направлению в распоряжение дежурного генерала при штабе главнокомандующего ВСЮР, а полковник Островский с начальником штаба зачислялись в резерв чинов с сохранением на два месяца содержания по прежним должностям¹¹⁷.

В последнем приказе центру № 32 от 29 апреля (12 мая) 1919 г. Островский писал: «Подводя итоги работы чинов центра, считаю служебным долгом отметить блестящие результаты этой работы, отмеченные начальником военного и морского управления и, в конечном итоге, выразившиеся в прибытии вооруженного тысячного офицерского отряда в ряды Добровольческой армии. Это последствие дружной работы тех, кто, объединившись в небольшую ячейку, преисполненную единой целью и задачей: "Воссоздание единой и великой Родины России", несмотря на все трудности и лишения, до конца не сходил с этого пути и вселил этот дух и идею и тому мощному отряду, который двинулся за центром в ряды славной Добрармии.

С глубокой грустью расстаюсь с незаменимыми сослуживцами: начальником штаба полковником Лукшиным, делопроизводителем-казначеем полковником Лассом, полковником Коноваловым, полковником Богдановым и статским советником Соболевым, до конца работавшими на благо общему делу, несмотря на все трудности и лишения, и неуклонно идущими к общей цели.

Считаю необходимым отметить и работу тех лиц, которые всеми силами и средствами шли навстречу центру и оказали материальную и моральную помощь в достижении общей цели: генерал-лейтенанта Баташева, объединившего собираемых при центре офицеров, генерал-майора Черникова, который, будучи Екатеринославским губернским старостою, оставался всегда по духу офицером единой русской армии, и полковника Макаренко, состоявшего товарищем Екатеринославского городского головы, всеми средствами помогавшего центру в достижении поставленной ему задачи»¹¹⁸.

* * *

Деятельность Екатеринославского центра Добровольческой армии интересна как пример эффективной работы полулегальной белой организации на Украине. Организация возникла в июле 1918 г. по местной инициативе и при покровительстве местных властей как бюро записи добровольцев, переправлявшихся затем в Добровольческую армию. Вскоре в Екатеринослав прибыл представитель Добровольческой армии, что позволило укрепить взаимодействие и расширить работу. Разумеется, подпольной ее можно назвать условно, поскольку настоящей конспирации не соблюдалось. В силу связей с властями, а также низкой популярности в екатеринославском обществе идей украинского национализма организация и ее инициативы пользовались поддержкой местной образованной общественности, в том числе офицеров, вернувшихся в город с фронтов Первой мировой войны.

В октябре 1918 г. бюро было преобразовано в Екатеринославский центр Добровольческой армии. Сотрудничество с городскими общественными организациями принесло свои плоды. Центр сумел стать организационным ядром легально сформированной при поддержке местных властей Екатеринославской добровольческой дружины и вовлечь в орбиту своей деятельности сравнительно широкий круг сторонников. Видную роль в произошедших событиях сыграло офицерство. В расчете на популярность у местных офицеров их прежних частей старой армии центр способствовал воссозданию в Екатеринославе полков 34-й пехотной дивизии. Были сформированы боевые единицы, которые позднее, наряду с украинскими частями, вошли в состав Добровольческой армии.

Переход на сторону белых кадрированного украинского корпуса свидетельствует о том, что не только городская общественность, но и чины гетманской армии часто не разделяли идеалов украинского национального движения и ориентировались на белых. Разумеется, нельзя приписывать этот переход исключительно работе Екатеринославского центра, но она,

несомненно, сыграла свою роль. Бюро записи добровольцев и возникший на его основе центр смогли организовать переброску в Добровольческую армию свыше 900 офицеров и добровольцев. Позднее центр сыграл значимую роль в организации Екатеринославского похода — яркой операции, имевшей далеко идущие последствия для Гражданской войны на Юге России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1.

Рапорт начальника Екатеринославского центра Добровольческой армии полковника Р.К. Островского начальнику военного и морского отдела Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому. 30 декабря 1918 г. (12 января 1919 г.).

*Начальник Екатеринославского
добровольческого центра
«30» декабря 1918 г.*

№ 1

г. Симферополь¹¹⁹

Начальнику военного и морского отделов¹²⁰ Добровольческой армии¹²¹

Доношу Вашему превосходительству, что, согласно полученным директивам, офицеры и охотники, сформированные при Екатеринославском центре и составившие добровольческую дружину (пешие и конные части), в достаточной степени снабженную вооружением и пулеметами, а также использованные кадры украинских частей с артиллерией (4 орудия), радиостанцией, составивши общий отряд, объединенный для боевых целей под начальством генерал-майора Васильченко при начальнике штаба офицере центра Генерального штаба полковнике Коновалове, после ряда боевых стычек прибыли в г. Симферополь и вошли в состав Крымской Добровольческой армии. В Екатеринославе временно заместителем своим оставил казначея центра полковника Ласс¹²².

Работа центра, прибывшего вместе с отрядом в г. Симферополью до получения особых указаний будет заключаться [в следующем]:

1) поддержание связи с Екатеринославом и вызов сюда офицеров и охотников для пополнения 34-й пехотной дивизии, 2) поддержание и материальная помощь семьям офицеров в г. Екатеринославе, руководящей связи с общественным кружком, сформированным при екатеринославском центре и 3) возобновление документов прибывшим с отрядом офицерам и охотникам и потерявшим таковые и аттестационные данные¹²³.

Подробный отчет о действиях центра за последнее время будет представлен дополнительно.

Начальник центра полковник Островский

РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 78–78об.

Подлинник. Автограф.

Документ 2.

Секретный отчет о действиях и работе Екатеринославского центра Добровольческой армии по 1 (14) января 1919 г.Секретно.**Отчет о действиях и работе Екатеринославского центра Добровольческой армии по 1 января 1919 г.¹²⁴**

В октябре 1918 г. ко мне как представителю Екатеринославского союза офицеров обратилась Екатеринославская городская управа с предложением организовать дружину в Екатеринославе для борьбы с большевизмом.

Имея директивы штаба Добрармии как начальник центра о том, чтобы офицеров, которые не могут ехать по разным причинам на пополнение Добрармии, организовать на местах, — мною предложение было принято и приступлено к организации дружины, причем офицерам и охотникам было заявлено, что основная служба применительны к службе в Добровольческой армии. Таким образом, подбирался подходящий кадр офицеров и охотников.

Организация дружины, несмотря на препятствия, чинимые австрийскими, германскими и даже местными украинскими властями, подвигалась успешно.

Приблизительно в средних числах октября месяца добровольческие дружины были утверждены законом киевского правительства и одновременно была объявлена мобилизация офицеров для создания инструкторских рот при украинских частях. Командир VIII украинского корпуса потребовал, чтобы и офицеры дружины перешли в части украинских войск, объясняя это тем, что все части украинские объединены и подчиняются общему командованию Добровольческой армии¹²⁵. Учитывая состав украинских частей, я принимал все меры к тому, чтобы сохранить организацию дружины — были командированы в Киев лица, которые добились там благоприятных результатов. Но за это время генералом Васильченко (к[оманди]р VIII укр[аинского] корп[уса]) было поставлено ультимативное требование с угрозой репрессивных мер против дружины, — и часть офицеров была передана в украинские части.

Известно ли было ген. Васильченко, что я работаю как начальник Екатеринославского центра Добровольческой армии, я определенно заявить не могу, так как по создавшемуся в то время в Екатеринославе положению все-таки работу центра пришлось вести без огласки, а ген. Васильченко я не считал сторонником Добрармии и о своем положении в Добрармии ему не сообщал. Все, что было необходимо использовать в украинских частях, я проводил через Генерального штаба полковника Коновалова, состоящего в украинских частях, но все время работающего на пользу Добрармии и привлеченного мною в состав центра¹²⁶.

Приблизительно к этому времени началось в Екатеринославе политическое движение и забастовки с требованиями восстановления демократических дум, свержения гетманской власти и проч[его], но характера не большевистского и не самостоятельного.

Опыт мобилизации офицеров и сосредоточения их в украинских частях дал самые плачевные результаты: пошло брожение, вражда украинцев с офицерами русского мышления, собрания митингового характера — в общем, полный развал. Единственной сплоченной силой в городе явилась дружина, и на нее были обращены взоры многих: многим было ясно, что это подбор офицеров и охотников, преследующих цели Добровольческой армии. В печати появилась травля Добрармии, воспроизводились приказы генерала Келлера¹²⁷, тесно связывая их с общим настроением Добрармии; тогда ко мне как [к] представителю Добрармии стали обращаться рабочие комитеты, демократические организации за всевозможными разъяснениями, а Екатеринославская демократическая городская дума, смещенная немцами и замененная цензовой, прямо обратилась с вопросом, какую позицию займет дружина, если она сделает попытки вступить в свои права, заменив цензовую. Я ответил, что назначение дружины не перевороты, а поддержание порядка и недопущение насилий, над кем бы таковые ни производились — будь это класс состоятельный или рабочий. После этих переговоров члены демократической думы вошли в переговоры с цензовой думой, и совершенно мирным путем цензовики уступили им свои места. Тогда рабочий комитет и те же представители думы обратились ко мне за следующими разъяснениями, что сделает с ними Добровольческая армия при занятии ею Екатеринослава. Я ответил, что Добрармия преследует одну цель — воссоединение растерзанной и измученной России, и против тех, кто мирным путем достигает поставленных целей, она не поднимет оружия. Тогда они сделали мне предложение, чтобы доказать искренность своих заявлений и обеспечить их от насилий, в которых почему-то они были уверены, войти в состав демократической управы, и в заседании думы 15 ноября я единогласно был выбран членом Екатеринославской демократической управы.

Травля Добрармии в рабочих газетах прекратилась; общее настроение рабочего класса стало сильно склоняться на сторону Добрармии, и даже не скрывалось желание ее прибытия. Отношения центра с рабочим классом и демократическими организациями налаживались, и все вместе объединялось для борьбы с большевиками.

Положение было настолько устойчивым, что, несмотря на большой екатеринославский рабочий район, вполне определенно можно заявить, что выступление местных большевиков или прибывающих разбойных банд встретило бы самый организованный отпор со всех сторон и ни в каком случае успехом бы не увенчалось. Но к этому времени совершенно неожиданно начало всплывать петлюровское движение: движение украинско-большевистское с крайней нетерпимостью ко всему общерусскому. Офицеры Добровольческой армии подвергались насилиям и арестам, и только угрожающими мерами приходилось добиваться освобождения арестованных. Немецкие войска заняли позицию крайне неопределенную, и возможно было предполагать их выступление совместно с петлюровцами.

Консул немецкий в Екатеринославе на мое заявление о несоблюдении немцами условий, возложенных на них союзниками, прямо заявил: «Я и командный состав вполне согласны с Вашими заявлениями, но побежденной армией руководить не представляется возможным».

Создавшаяся обстановка крайне осложнила общее политическое положение. В украинских частях началось брожение, нашлись офицеры-предатели, готовые перейти к петлюровцам. Высший командный состав в лице ген. Васильченко крайне растерялся и никаких определенных мер для улучшения политического положения не принимал. Этот момент был использован центром для объединения офицеров, поступивших на службу в украинские части исключительно ради материальных соображений. Дружина добровольцев была введена в казармы украинских войск, возле нее стали объединяться и остальные офицеры всех родов оружия. 6го декабря (н.ст.)¹²⁸ петлюровцы решили ликвидировать офицерский отряд и разоружить его. Прислав ультимативное требование, они повели наступление на казармы, в которых был расположен офицерский отряд. Встретив надлежащий отпор и осуждение всех екатеринославских организаций, они после дневного боя заняли свое первоначальное положение. Но обстановка складывалась неблагоприятно для нас. К петлюровцам прибывали ежедневно новые подкрепления по железной дороге, которая находилась в их руках. На окраинах города усиленно организовывались большевики, и задача ликвидировать их ввиду позиции, занятой немцами и петлюровцами, была невыполнима. Тогда, выполняя данные мне директивы своевременно идти со всеми на соединение с частями Добрармии, — был решен вопрос о выступлении из Екатеринослава — и 28го ноября ст.ст.¹²⁹ отряд добровольческой дружины со всеми использованными кадрами украинских частей выступил из Екатеринослава. После ряда боев с бандами петлюровцев прибыли в Симферополь 29 декабря (ст. ст.)¹³⁰.

На пути нашего движения со стороны жителей встречали отношение безразличное, но скорее враждебное ввиду полной их неосведомленности о целях Добрармии. По пути старались широко распространять сведения о наших задачах и целях; за все расплачивались наличными деньгами, и, по моим наблюдениям, цель привлечь благоразумные части населения на нашу сторону достигнута была постолько, поскольку при кратковременных стоянках в каждом отдельном месте можно было этого достичь. Известно, например, что в местах, пройденных нами, объявленные впоследствии мобилизации петлюровцев и других бандитов успеха не имели¹³¹.

Операции военные против нас вел некто, именующий себя атаманом Григорьевым, причем все распоряжения им отдавались вперемежку с грубой руганью (перехваченные телеграммы в оперативном отделе).

Вооружены были части, выступавшие против нас, исключительно немецкими пулеметами¹³². Дрались не особенно стойко, хотя некоторые отряды проявляли знание военного дела и упорство. В боях применялась и артиллерия. Пленные офицеры — жалкие, неуравновешенные, безыдейные люди, скорее попавшие на службу к петлюровцам, оберегая свою шкуру. Солдаты пленные — редко украинцы, в большинстве каторжники, прельщенные грабительскими мотивами.

Состав прибывшего Екатеринославского отряда: офицеры и охотники — большей частью зарегистрированные в центре и зачисленные мною в состав Добрармии и не отправленные только ввиду создавшейся обстановки; остальные по своим убеждениям вполне подходят к ним; в большинстве офицеры 34[-й] пех[отной] дивизии.

Командный состав, высший, прибывший с кадрами украинских частей, неопределенного направления и в разных положениях и условиях принимавший решения, не позволяющие точно установить отношение его к русской идее и идее Добровольческой армии.

Начальник Екатеринославского центра Добровольческой армии полковник Островский.

9 января 1919 г.

г. Симферополь.

Начальник штаба полковник Лукшин

РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 84–87об.

Подлинник. Автограф.

Документ 3.

Рапорт начальника Екатеринославского центра Добровольческой армии полковника Р.К. Островского начальнику военного и морского отдела Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому. 13 (26) апреля 1919 г.

Екатеринославский центр

Добровольческой армии

Апреля 13 дня 1919 г.

№ 285.

г. Екатеринодар¹³³

Начальнику военного и морского отдела

Рапорт¹³⁴

В исполнение телеграммы от 6/IV-[1]919 г. № 1301/Ос вверенный мне центр расформирован.

Приступил к сдаче дел и отчетности в особое отделение.

Подводя итоги деятельности вверенного мне центра и в дополнение к отчетам (рапорт от 30 декабря 1918 г. № 1 и 10 января с.г. № 32), доношу:

1. За три месяца своего функционирования в г. Екатеринославе и затем за время похода центр выполнил следующую работу:

1) объединил весь офицерский состав г. Екатеринослава, преданный русской идее, вокруг себя сначала в союз офицеров, а затем в особый добровольческий отряд;

2) зарегистрировал для Добрармии 816 офицеров и охотников-добровольцев; из тех часть была отправлена одиночным порядком в Добрармию, а часть в силу создавшейся обстановки была задержана в Екатеринославе и прибыла отрядом;

3) сформировал при центре из оставленных офицеров особый боевой добровольческий отряд в составе свыше 400 офицеров и охотников, из них 80 всадников на конях, который еще в Екатеринославе выдержал бой с петлюровцами;

4) вывел из Екатеринослава означенный отряд и увлек за собой кадры украинских частей, всего в составе 1005 человек, 4 орудия, свыше 40 действующих пулеметов и радиостанцию, который после ряда боев с петлюровцами прибыл в Крым и поступил в состав Крымско-Азовской Добрармии, образовав кадровые роты 3 полков 34-й пехотной дивизии и кадр 34-й артиллерийской бригады;

5) все содержание и довольствие отряда и самого центра, как в Екатеринославе, так и в период похода, производилось из сумм, полученных попечением центра из украинских средств.

II. Таких результатов удалось достигнуть, благодаря следующему:

1) устойчивости и преданности русской идее большинства офицеров, которые, несмотря на все блага, предоставлявшиеся офицерству самостоятельным украинским правительством при поступлении на украинскую службу, продолжали бедствовать в материальном отношении, но все же оставались верными¹³⁵ Единой России;

2) точному исполнению получаемых мною общих директив и особому усердию в работе на пользу Добрармии, проявленному подчиненными мне чинами центра: начальником штаба полковником Лукшиным, делопроизводителем-казначеем полковником Лассом, заведующим разведкою капитаном Скобликовым, пропавшим без вести в боях с петлюровцами капитаном Младовым, а равно прикомандированными к центру генерал-майором Баташевым, Генерального штаба полковником Коноваловым, полковником Люткевичем и полковником Богдановым¹³⁶;

3) особому сочувствию и прямой помощи, проявленной по отношению к центру, со стороны бывшего Екатеринославского губернского старосты ген[ерал]-майора Черникова, бывшего товарища городского головы г. Екатеринослава полковника Макаренко и представителя общественного комитета при центре статского советника Соболева¹³⁷.

III. Во время пребывания центра в Крыму поддерживалась все время связь с Екатеринославом, и приняты были меры к обеспечению семейств офицеров и охотников в Екатеринославе, при помощи оставшегося там кружка лиц, сочувствующих идее Добрармии, и своевременно организованного при центре.

В настоящее время находятся лица в Екатеринославе и при центре, работающие в пользу Добрармии.¹³⁸

Полковник Рахмин¹³⁹ (Изыскание средств на месте, связь с общественным кружком);

Прапорщик Барковский (Разведчик. Студент Горного института. Поступил к большевикам на должность заведующего просветительными курсами для рабочих. Безусловно преданный Добрармии. Оставлен был мною в Е[катерино]славе исключительно для пользы дела);

Прапорщик Кригер (Разведчик. Студент Горного института. Помощник Барковского, вполне надежный и верный).

Приложение: Список офицеров, состоящих ныне при центре¹⁴⁰.

Начальник центра полковник Островский

РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 88–89.

Подлинник. Автограф.

- ¹ *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999. С. 290–293; *Кручинин А.С.* Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 200–208; *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008. С. 72–73; *Газкуев Р.Г.* Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3. С. 33–36; *Он же.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 160.
- ² Город **Екатеринослав** в 1926 г. переименован в **Днепропетровск**.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 1а.
- ⁴ Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1. С. 431.
- ⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
- ⁶ Там же. Л. 1–10б.
- ⁷ Там же. Л. 2. **Державная варта** — государственная стража Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского, занимавшаяся охраной правопорядка.
- ⁸ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 64.
- ⁹ **Астраханская армия** — оперативно-стратегическое объединение войск монархической ориентации на Дону, создававшееся в июле–октябре 1918 г. с помощью германских оккупационных властей при поддержке атамана Всевеликого войска Донского П.Н. Краснова.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 53–54.
- ¹¹ Там же. Л. 58.
- ¹² Подчеркнуто автором документа.
- ¹³ *Черников И.И.* Екатеринославский поход // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, VAR). А.А. von Lampe collection. Box 23.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 6об.
- ¹⁷ Там же. Л. 64.
- ¹⁸ Там же. Л. 7. По более позднему свидетельству губернского старосты Черникова, речь шла о двух кинематографах (*Черников И.И.* Екатеринославский поход // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 23).
- ¹⁹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 7–7об.
- ²⁰ Там же. Л. 9, 10.
- ²¹ Там же. Л. 19об.–20.
- ²² Там же. Л. 65.
- ²³ Там же. Л. 67.
- ²⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 20.
- ²⁶ Там же. Л. 22.
- ²⁷ Там же. Л. 22–22об., 37.
- ²⁸ Там же. Л. 29. Внесены уточнения.
- ²⁹ Там же. Л. 26об.–27.
- ³⁰ Там же. Л. 30.

- ³¹ Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014. С. 64.
- ³² РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ³³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 69. В одном из позднейших документов за июнь 1919 г. стаж Островского как начальника центра считался с 27 сентября (10 октября) 1918 г. (Там же. Л. 97).
- ³⁴ Там же. Л. 41.
- ³⁵ Там же. Л. 79.
- ³⁶ Капитана 1-го ранга.
- ³⁷ **Дмитриев Николай Николаевич** (10.10.1876–16.02.1931) — капитан 1-го ранга. Начальник охраны побережья Азовского моря (1918). Умер в эмиграции.
- ³⁸ **Штемпель Михаил Иванович** (27.10.1870–?) — барон, полковник, генерал-майор (с 1919). Начальник Таганрогского центра Добровольческой армии. В эмиграции.
- ³⁹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 50–50об.; 51–51об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 39.
- ⁴¹ Там же. Л. 40об.
- ⁴² Там же. Л. 43. В документе Чунихин ошибочно написал — 28 ноября, но резолюция и регистрационный штамп военного и морского отдела Добровольческой армии датированы 30–31 октября (12–13 ноября) 1918 г. Подтверждается это и еще одним последующим рапортом Чунихина (Там же. Л. 79).
- ⁴³ **Булгаков М.А.** Белая гвардия (серия «Литературные памятники»). М., 2015. С. 522, 526, 538; **Тинченко Я.Ю.** Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев; Львов, 1997. С. 33–44.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 32.
- ⁴⁶ Бывший командир 281-го Новомосковского пехотного полка.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 27–27об.; Ф. 39675. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4об.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4об.
- ⁵⁰ Письмо А.М. Карамышева Б.П. Войнарскому от 05.07.1939 // VAR. А.А. von Lampe collection. Вох 24.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 12. Л. 1об.–4об.
- ⁵² В документе — производившего.
- ⁵³ В документе — внушающий.
- ⁵⁴ **Черников И.И.** Екатеринославский поход // VAR. А.А. von Lampe collection. Вох 23.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 71.
- ⁵⁷ В приказе главнокомандующего всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, генерала графа Ф.А. Келлера от 20 ноября 1918 г. отмечалось: «До сведения моего дошло, что некоторые из призванных как офицеров, так [и] унтер-офицеров отказываются принимать участие в подавлении настоящего восстания, мотивируя его (отказ. — **А.Г.**) тем, что они считают себя в составе Добровольческой армии и желают драться только с большевиками, а не подавлять внутренние беспорядки на Украине. Объявляю, что в настоящее время идет работа по воссозданию единой России, к чему стремятся Добровольческая, Донская, Южная, Северная и Астраханская армии и ныне принимают участие все вооруженные силы на территории Украины под моим начальством. На основании сего все работающие против единой России почитаются внутренними врагами, борьба с которыми для

- всех обязательна, а не желающие бороться будут предаваться военно-полевому суду как за неисполнение моих приказов» (РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 7. Л. 14).
- ⁵⁸ Тинченко Я. Українські збройні сили березень 1917 р. — листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009. С. 299.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 48-48об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 46.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Шапошниченко В.М. Екатеринославский поход 28 ноября — 30 декабря 1918 г. ст. ст. // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 24.
- ⁶³ Воспоминания о Екатеринославском походе в ноябре 1918 года из г. Екатеринослава в Крым н[ачальни]ка пулеметной к[оман]ды 44-го сечевого полка 8 укр[аинского] корпуса ген. Васильченко полковника Швеца [?] // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 23.
- ⁶⁴ Левченко С. 8-й Катеринославський корпус // За державність. Матеріали до історії війська Українського. Варшава, 1938. Зб. 9. С. 61.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 3об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 34.
- ⁶⁷ Черников И.И. Екатеринославский поход // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 23.
- ⁶⁸ Письмо А.М. Карамышева Б.П. Войнарскому от 05.07.1939 // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 24.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 34об.-35.
- ⁷¹ В документе — работа.
- ⁷² РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ⁷³ Там же. Л. 10-11.
- ⁷⁴ Письмо неустановленного лица Б.П. Войнарскому. 11.01.1940 // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 23.
- ⁷⁵ Письмо А.М. Карамышева Б.П. Войнарскому от 05.07.1939 // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 24.
- ⁷⁶ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 140.
- ⁷⁷ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 28.
- ⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 371. Л. 5об.
- ⁷⁹ Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 91-92, 178.
- ⁸⁰ Письмо неустановленного лица Б.П. Войнарскому. 11.01.1940 // VAR. А.А. von Lampe collection. Box 23.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 108об.
- ⁸³ Там же. Л. 109.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
- ⁸⁵ Там же. Л. 22.
- ⁸⁶ Там же. Л. 24об.
- ⁸⁷ Гражданская война на Украине 1918–1920. Сб. док. и мат. В 3 т., 4 кн. Киев, 1967. Т. 1. Кн. 1. С. 450.
- ⁸⁸ Правильно — ВСЮР.
- ⁸⁹ Саквич Г.Г. Екатеринославский поход // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 290–291. Другой участник похода, оставивший менее достоверные воспоминания, утверждал, что Г.И. Коновалов

считал попытку прорваться на соединение с Добровольческой армией «безрассудной и предлагал распылиться по месту жительства» (Лабинский И.В. О Екатеринославском походе // Там же. С. 296). За это после митинга к нему якобы приставили охрану, сопровождавшую его весь Екатеринославский поход. Подобное утверждение не соответствует действительности, поскольку Коновалов был одним из активных сотрудников Екатеринославского центра Добровольческой армии, а в период Екатеринославского похода сыграл выдающуюся роль, проявив себя в планировании и осуществлении этой операции. Впрочем, далее мемуарист перешел к совсем уже очевидным фантазиям, заявив, что Коновалов из эмиграции якобы уехал в СССР. В действительности Коновалов в эмиграции жил в Болгарии (Рущук), а с 08.02.1929 в Румынии. Работал главным директором лесной концессии в коммуне Дерна в Трансильвании, был ранен во время покушения, организованного владельцем концессии (08.11.1935), и умер от ран в клинике города Клуже 30.03.1936.

⁹⁰ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 14-14об.

⁹¹ Там же. Л. 14об.

⁹² Сакович Г.Г. Екатеринославский поход // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 294.

⁹³ Письмо Б.Н. Папчинского Б.П. Войнарскому от 27.03.1940 // VAR. А.А. von Lampe collection. Vox 24; 1918 год на Украине. М., 2001. С. 4.

⁹⁴ Подробнее см.: Кручинин А.С. К истории кадровых частей 34-й пехотной дивизии в 1919-1920 годах // Военная быль (Москва). 1994. № 5 (134). С. 28-31.

⁹⁵ Рудиченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительств: Материалы к истории. М., 2005. С. 185-187; Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917-1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. М., 2008. С. 74-77.

⁹⁶ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 15-15об.

⁹⁷ Там же. Л. 16об.

⁹⁸ Там же. Л. 18.

⁹⁹ Там же. Л. 20об.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918-1920 гг.). Док. и мат. Днепропетровск, 1968. С. 78-79.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁰² Там же. Л. 3об.

¹⁰³ Там же. Л. 4.

¹⁰⁴ Там же. Л. 5.

¹⁰⁵ Там же. Л. 5об.

¹⁰⁶ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 3.

¹⁰⁷ Там же. Л. 4.

¹⁰⁸ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 78об.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-6об.

¹¹⁰ Там же. Л. 6об.

¹¹¹ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 5.

¹¹² Мартынов С.П. «Рука Божия...» (из записок артиллерийского полковника) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1998. Кн. 8. С. 42.

¹¹³ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 1. Л. 9об.-10.

¹¹⁴ Там же. Л. 18об.

¹¹⁵ Там же. Л. 26об.-27.

- ¹¹⁶ Там же. Л. 26об.
- ¹¹⁷ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 95.
- ¹¹⁸ РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ¹¹⁹ Надпись внизу страницы: Исх. № 66/253.
- ¹²⁰ Так в документе. Правильно — отдела.
- ¹²¹ Карандашная резолюция начальника части Генерального штаба военного и морского отдела Добровольческой армии генерала В.Е. Вязьмитинова: «Копию сообщить для сведения начальнику штаба армии. Генерал-майор Вязьмитинов». Карандашная резолюция не установленного лица: Р. Снять копию с резолюциями. 8/1».
- ¹²² **Ласс Всеволод Тимофеевич** (06.02.1868–?) — из семьи подпоручика. Полковник. Командир бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Награжден Георгиевским оружием. В эмиграции — в Болгарии.
- ¹²³ Карандашная резолюция генерала В.Е. Вязьмитинова: «Полагаю, что, пока не окончится вся эта работа, центр следует сохранить, ибо это облегчит работу разведки и связи с Екатеринославом».
- ¹²⁴ Черновик хранится в: РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–6.
- ¹²⁵ Так в документе.
- ¹²⁶ На полях карандашный комментарий генерала В.Е. Вязьмитинова: «Это сообщит генерал-квартирмейстер Юз».
- ¹²⁷ **Келлер Федор Артурович** (12.10.1857–08 (21).12.1918) — генерал от кавалерии, монархист, главнокомандующий всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины (18–26.11.1918). Убит петлюровцами в Киеве. В своих приказах по должности главнокомандующего Келлер заявлял о необходимости воссоздания единой России и, по оценке гетмана П.П. Скоропадского, осуществлял ультраправую политику (*Скоропадский П.П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 313). Позднее он потребовал передачи ему как главнокомандующему всей полноты власти, что привело к его отставке.
- ¹²⁸ 23 ноября по старому стилю.
- ¹²⁹ 11 декабря 1918 г.
- ¹³⁰ 11 января 1919 г.
- ¹³¹ На полях карандашный комментарий генерала В.Е. Вязьмитинова: «Вот значение пропаганды».
- ¹³² На полях карандашный комментарий генерала В.Е. Вязьмитинова: «Косвенное подтверждение немецкой работы».
- ¹³³ Карандашная резолюция генерала В.Е. Вязьмитинова: «Особое. В доклад 13/IV. Работа Екатеринославского центра особенно выдвинулась своей успешностью, что должен отнести, главным образом к энергии и инициативе начальника его полковника Островского. Генерал-майор Вязьмитинов». Также на документе карандашные резолюции с неразборчивыми подписями: «Переговорить. 13/IV», «Полковнику Архангельскому Прошу переговорить, с приказом № 2131. 16/IV [подпись неразборчива]» (резолюция перечеркнута). «Обое. Пока в дело. 17/IV [подпись неразборчива]». Резолюция чернилами: «Екатеринослав. 15/IV».
- ¹³⁴ Черновик хранится в РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 46–47об.
- ¹³⁵ В документе — оставалось верным.
- ¹³⁶ На полях резолюция В.Е. Вязьмитинова: «И энергии самого полковника Островского, блестяще выполнившего свою задачу. Генерал-майор Вязьмитинов».
- ¹³⁷ **Соболев Леонид Андрианович** — статский советник, помощник начальника санитарной части Румынского фронта. Представитель общественного комитета при Екатеринославском центре Добровольческой армии.

¹³⁸ На полях резолюция В.Е. Вязьмитинова: «Считаю крайне важным поддержание связи с ними при посредстве полк[овника] Островского, о прикомандировании которого к особ[олму] отд[елению] ходатайствую, с сохранением за ним содержания по должности нач[альника] центра. Г[енерал]-м[айор] Вязьмит[инов]». Карандашная резолюция неустановленного лица: «Переговорить».

¹³⁹ Здесь и далее — подчеркнуто автором документа. **Рахмин Семен Петрович** (27.04.1870-?) — полковник (на 1918), впоследствии генерал-майор. На службе в гетманской армии. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции — в Сирии.

¹⁴⁰ Не публикуется.

~~~~~
ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (andrey_ganin@mail.ru). Россия.